

*Посвящается Джессике Бёрдетт —
продюсеру, воплостителю грез
и товарищу по борьбе с бессонницей.
Огромное спасибо за все. С.П.*

Под моей кроватью
Монстров никогда не было,
Потому что все они
Жили у меня в голове.

Никита Гилл, «Монстры»

Травма — это путешественник
во времени, уроборос, который
тянется назад и пожирает все, что
было раньше.

*Джуно Диаз,
«The New Yorker», апрель 2018*

Пролог

Другая машина возникает из ниоткуда.

Ни отчаянного визга тормозов, ни ненароком брошенного сквозь стекло удивленного взгляда, только жесткое *ууумф*, когда на скорости металл встречается с металлом. Выплеск энергии, симфония катастрофы. Удар так силен, что стекло в мгновение ока рассыпается градом злых и острых льдинок. Рама сминается, машина взмывает высоко в воздух, словно самый страшный аттракцион, а затем тяжело опрокидывается в придорожную канаву.

А потом — ужасная тишина. Сначала затихающий скрип металла, а после — ничего. Радио больше не работает. Оживленная беседа стихла. За какие-то жалкие секунды меняется буквально все.

Слабое движение на пассажирском сиденье. Пойманное в ловушку, сломленное, разбитое, отчаянное. Крик, больше похожий на хрип.

Другая машина — гигант с приводом 4x4, стоит на дороге. Морда смята в хлам. Двигатель, на удивление, не заглох — заходится хриплым стариковским кашлем, но все же. На мгновение — чуть длиннее, чем то, которое понадобилось, чтобы уничтожить вселенную жизни в другой машине, — водитель, дрожа, замирает за рулем. Солнце

Сара Пинборо

висит на своем месте, и его лучи пробиваются сквозь ветви деревьев. Стоит прекрасное раннее утро, и шоссе все еще пустынно.

На дороге никого.

Никаких свидетелей.

Всего миля или чуть больше до дома.

Водитель другой машины решает оставить все на волю случая. На удачу. Подушка безопасности не раскрылась. Если авто на ходу, они уедут. И не станут оглядываться. Если же нет — они останутся, чтобы лицом к лицу встретиться с последствиями. Дрожащими руками, внезапно ощутив резкую боль, он переключает передачу и хватается за рулевое колесо. Полноприводный — не машина, а настоящая ломовая лошадь — приходит в движение и медленно, словно прихрамывая, разворачивается. Водитель все-таки бросает взгляд назад. Сделать ничего нельзя. Ладонь зажато на пассажирском сиденье дергается кверху. Крик о помощи.

Водитель другой машины издает стон. Они позвонят в «неотложку». Из автомата. Вот только на этом коротком участке шоссе нет ни одного. Кто-нибудь, вероятно, будет проезжать мимо. К девяти эта дорога оживает. Кто-нибудь поможет. Вне всяких сомнений.

1

Двенадцать дней до дня рождения

В доме кто-то есть.

Это даже не законченная мысль, а что-то звериное, больше на уровне инстинкта. Мгновенно стряхнув сон, я сажусь в кровати. Мое сердце колотится так, будто хочет убежать. Цифры на часах перескакивают на 1.13, и я сижу очень тихо, напряженно прислушиваясь, в ожидании, что из прихожей послышится скрип или в темном углу комнаты возникнет жуткая тень. Но ничего не происходит. В звенящей ночной тишине только дождь барабанит по стеклам.

Я покрываюсь гусиной кожей. Что-то ведь разбудило меня. Это был не сон. Что-то другое. *Что-то в доме.* Я не в силах избавиться от этого ощущения, совсем как в детстве, когда кошмары и в самом деле возвращали меня в *ту ночь*, а приемная мать бегом мчалась ко мне в комнату, чтобы успокоить меня, пока я не перебудила всю семью.

Роберт крепко спит на своей половине кровати, повернувшись ко мне спиной. Я не решаюсь его разбудить. Возможно, все это просто ерунда, но тревога меня не отпускает. *Дети.*

Я знаю, что не смогу уснуть, пока не проверю их. Приходится спустить ноги на ковер. Поднимаясь от босых

ступней, по всему телу пробегает дрожь. Я несмело выхожу на лестничную площадку.

Вглядываясь в темноту коридора, я ощущаю себя очень маленькой. В ночной мгле он кажется бесконечным — разинутая пасть монстра прямо передо мной. Я делаю шаг вперед — *Я мать и жена. Успешная женщина. Это мой дом. Моя крепость.* — Жалея, что не захватила мобильник — послужил бы вместо факела. Всматриваюсь в темноту за перилами лестницы. Внизу никакого движения — только темные тени. Ни взломщиков, волокущих в ночи свою добычу, ни иной угрозы.

Внезапный порыв ветра ударяет плетью дождя по высокому арочному окну, заставляя меня вздрогнуть. Я иду в конец коридора, туда, где стену дома прорезает арка абсолютной тьмы. Сложив ладони чашечками вокруг глаз, я прислоняю лицо к холодному стеклу, но все, что я могу различить снаружи — лишь неясные контуры деревьев. Никакого света. Никакого движения. Тем не менее по телу вновь пробегает дрожь, и я поворачиваю назад, чтобы свернуть за угол, к комнатам детей. Меня охватывает озноб — кто-то сейчас явно топчет мою могилу¹.

Едва приоткрыв дверь в комнату Уилла, я испытываю облегчение. Мой малыш. Пять лет, уже совсем большой — школьник. Уилл спит, раскинувшись на спине, сбросив с себя одеяло с динозавриками. Его темные волосы, так похожие на мои, слиплись от пота. Может быть, у него тоже выдалась не лучшая ночь. Я осторожно накрываю его одеялом, так нежно, как только могу, но Уилл принимается ерзать и открывает глаза.

— Мамочка? — Он растерянно щурится, но стоит мне улыбнуться ему, как Уилл улыбается в ответ и поворачи-

¹ Английская поговорка. Человеку без всякой видимой причины становится холодно, если кто-то наступит на место его будущей могилы.

Бессонница

вается на бочок. Заметив, что из-под подушки у сына торчит альбом для рисования, я вытягиваю его за уголок.

— Неудивительно, что ты проснулся, — шепчу я, — ты лежал прямо на нем.

Альбом раскрыт на странице с последним творением, над которым увлеченно работал Уилл. В темноте я принимаюсь вертеть карандашный рисунок так и эдак, силясь отгадать, что же там изображено. По правде говоря, больше всего это похоже на собаку, которую переехала машина. Дважды.

— Это динозавр, — поясняет Уилл, прыская со смеху, и сладко зевает — словно и сам знает, что изобразительное искусство — не его конек, но совершенно спокоен по этому поводу.

— Ну да, точно! — Я кладу альбом на прикроватный столик и целую сына на ночь. Он уже почти спит и утром, вероятно, всего этого не вспомнит.

Потом я иду в комнату Хлои. Она тоже потеряна для мира. Светлые волосы рассыпаны по подушке — прямо спящая красавица из сказки, хотя в свои семнадцать она уже убежденная феминистка и наверняка ответила бы мне, что сказки — всего лишь мизогинистская чушь. Я возвращаюсь в спальню, ругая себя за нелепые страхи.

Нырнув обратно в постель, незаметно для спящего Роберта я сворачиваюсь клубком. Сейчас только половина второго. Если я усну прямо сейчас, то у меня будет еще четыре часа до подъема. Сон должен прийти быстро — в моей напряженной, изматывающей, пульсирующей жизни иначе и не бывает. Поэтому я устраиваюсь поуютнее в ожидании. Сон, однако, так и не приходит.

В три часа ночи я начинаю проверять свою электронную почту — там полночные поздравления от Бакли по поводу моей вчерашней победы в суде, где проходило слушание дела об опеке в рамках бракоразводного процесса Стоквеллов. Потом просматриваю новостную ленту на мобильном. Потом иду в туалет. Роберт просыпается,

Сара Пинборо

но все ограничивается невнятным бормотанием. Когда я возвращаюсь из туалета, он поворачивается на другой бок и кладет на меня сверху свою тяжелую руку. Потом я просто лежу, мысленно пробегая свой график на стремительно приближающийся день, все сильнее досадуя на то, что вступить в этот день придется, так и не отдохнув. Мне нужно быть в офисе в половину восьмого, а домой я редко возвращаюсь раньше чем через двенадцать часов — и то когда удастся улизнуть, избежав обязательных коктейлей. Я не могу позволить себе расслабиться. В особенности сейчас. Я на пути к тому, чтобы стать младшим партнером в фирме. Тем не менее я люблю свою работу, это правда.

Я делаю серию дыхательных упражнений из йоги, пытаюсь расслабить каждую мышцу в теле и очистить разум. Это звучит совсем несложно, однако в мою голову обычно тут же лезут всякие глупости вроде «достаточно ли молока в холодильнике» или «а не сменить ли нам газовую компанию». Несмотря на то, что мой пульс становится ровнее, уснуть я все равно не могу.

День предстоит долгий.

2

Одиннадцать дней до дня рождения

На работе напряженно. К без четверти одиннадцать я успеваю провести две конференции, разобраться с некоторыми счетами и перезвонить трем клиентам. Приходится терпеливо объяснять им, что я не в силах ускорить работу судов и никак не могу влиять на скорость, с которой адвокаты их партнеров отвечают на запросы, насколько бы возмутительны ни были такие задержки, и что каждый мой звонок стоит денег *им* — моим клиентам. Люди всегда гораздо сильнее торопятся расторгнуть брак, чем связать себя его узами.

Проверяю мобильник. Три пропущенных с неизвестного номера, но кто бы это ни был, ему придется подождать. Прежде мне нужно уделить время кое-чему другому. Элисон.

Услышав стук в дверь, я набираю в легкие побольше воздуха. С Элисон никогда не бывает просто.

— Входите.

Элисон Кэнуик идет шестой десяток, при этом она искренне убеждена, что возраст сам по себе должен быть основанием для того, чтобы пользоваться авторитетом. Работая адвокатом гораздо дольше меня, Элисон напрочь игнорирует тот факт, что она — мой младший сотрудник.